

О ТОМ, что в нашем городе гастролировали в 1909 г. В. Ф. Комиссаржевская и В. Н. Пашенная, знают многие любители театра. Но, пожалуй, этим и исчерпывается сложившееся представление о том, чем богата и славна была гастрольная афиша города до революции. А между тем...

12 июля 1911 г. на первой странице газеты «Обская жизнь» появилось объявление:

Театр — сад Общественного собрания.

В четверг 14 июля 1911 г. Только одна гастроль Павла Николаевича Орленева с его труппой.

Представлено будет Привидения (Призраки).

Семейная драма в 3-х действиях, соч. Ибсена, перев. К. Набокова...

В афише указывалось, что роль Освальда Альвинга исполнит П. Н. Орленев, что пьеса идет без суфлера, и, поскольку в то время (как и сейчас) существовало обыкновение встречать выход гастролера на сцену аплодисментами, организаторы обращались к публике с просьбой не аплодировать до конца всей пьесы.

ПРИЕЗД Орленева в отдаленный сибирский город не мог не взволновать местных поклонников сценического искусства. Имя Орленева было известно тогда всей России. Выдающийся трагический актер, потрясавший своей игрой петербургскую и московскую публику, уже не один год гастролировал по городам провинции, и всюду его спектакли сопровождал необыкновенный успех. Имя Орленева вызывало самые различные суждения. Артиста считали «последним романтиком». Говорили, что это актер, близко принимающий к сердцу страдания и муки тогдашней России и выражающий в своей игре трагедию времени. Критика называла его «одиноким бунтарем», «странным, беспокойным художником», «чрезвычайным явлением русского театра».

Любителей сцены волновал вопрос: почему этот крупный художник, перед которым открылись бы двери любого столичного театра, упорно странствует по России, превратившись в «вечного скитальца»? Этот вопрос занимал и сибиряков, тем более, что актер четырежды совершал поездки по Сибири.

И вот Орленев в Новониколаевске. И только один спектакль!

Освальд в «Привидениях» — не центральная фигура пьесы Ибсена, но как только Орленев появился на сцене — стройный, изящный, с красивым,

бледным лицом — все внимание зала сосредоточилось на нем. В художнике Освальде чувствовался человек иного, непровинциального мира, внутренне раскованный и тонкий. В каждой фразе его, в каждом движении проявлялась личность незаурядная, щедро одаренная природой. И все же в глазах Освальда угадывались тревога, скрытая боль, и чем дальше, тем сильнее прорывалась эта душевная мука. Освальд был неизлечимо болен: он нес в себе порочную наследственность и должен был расплачиваться безумием за пьянство и разврат своего отца. «...перед глазами зрителя не артист в роли больного человека, — пишет рецензент «Обской жизни», — а сам больной

называет пастор, но не чувствовал тех «тайных привидений», которые, по выражению фру Альвиг, «многочисленны, как песчинки, и населяют всю землю, которые душат всех действующих в пьесе лиц».

ВИДИМО, успех спектакля «Привидения» заставил Орленева изменить свои первоначальные намерения, и он решил дать в Новониколаевске еще два спектакля, в том числе «лучший образец своего репертуара» — «Царя Федора Иоанновича» А. К. Толстого. К десяткам, сотням статей, посвященных этой коронной роли Орленева, присоединил свой голос и новониколаевский рецензент: «...как живой стоял перед глазами зрителя этот добряк», «церковник на престоле», хо-

ТРИ МГНОВЕНИЯ ИСКУССТВА

— до того искусно воспроизведены артистом все перипетии постепенного угасания зараженного организма».

Впрочем, рецензент (выступавший под псевдонимом «Фигаро») выражал недовольство тем, что «патологическая сторона» была подана «слишком реально». В самом деле, Орленев натуралистически изображал безумие Освальда, и это болезненное начало в его игре, по-видимому, было закономерным именно в тот период — в годы реакции, в эпоху развития декаданса в русском искусстве.

Заметим, что «Привидения», поставленные впервые еще до 1905 года, звучали тогда актуально: в них осуждались те призраки старой морали и религии, которые загубили жизнь многих людей, в том числе разрушили счастье матери Освальда и его самого. Не случайно критика долго спорила, как правильнее перевести заглавие пьесы: «Привидения» или «Призраки»? В спектакле 1911 года дано двойное название, — видимо, для самого Орленева этот спор не был разрешен. И, надо отдать должное новониколаевскому рецензенту, он тонко отметил приглушенность социально-философского звучания спектакля (что объяснялось в основном слабым исполнением других ролей): «В «Привидениях» 14 июля зритель видел только «явных призраков», как

тевший из Руси святой сделать что-то вроде царства Божьего на земле, где бы правила людскими отношениями принципы христианства и главный из них — «любви ближнего своего». Ярко и рельефно представлена была картина великих мучений этого венценосца... И, слабый волей, слабый и умом Федор Иоаннович окончательно падает под тяжестью «шапки Мономаха» и из глубины измученного сердца спрашивает: «Господи, за что ты меня сделал царем?», когда он вдруг узнает, что тот князь, Иван Шуйский, которого он уже простил, мертв».

Очень высоко оценивая «заключенность» и «выдержанность» роли, рецензент, разумеется, не охватил всей сложности образа, созданного Орленевым. Он не понял, что в лице царя Федора знаменитый артист своеобразно развивал свою любимую тему маленького человека, окруженного враждебными ему людьми, задавленными обстоятельствами. Не увидел он в царе Федоре и того, что ценила в Орленеве вся мыслящая Россия — критического изображения «прирожденного» русского царя, той смелой трактовки, которая невольно навела на мысль о жалких человеческих возможностях тогдашнего правителя России — Николая II.

ТРЕТЬЕЙ страницей гастроль была мелодрама Ростана «Орленок», в кото-

рой Орленев исполнял роль сына Наполеона — герцога Рейхштадского. Здесь снова он играл человека, опутанного придворными интригами, лишенного силы духа, которой обладал его отец. И снова прозвучала в роли «большая душа артиста», — в сочетании с «мастерством техники» и «богатством приемов» — актеру удалось создать «красивый и привлекательный образ» даже в этой далеко не совершенной пьесе.

Говоря об успехе Орленева в Новониколаевске, газета «Обская жизнь» в то же время с горечью замечала, что спектакли игрались при крайне бедной обстановке, вообще характерной для новониколаевской сцены, и это особенно было нетерпимым в спектакле «Орленок», где действие происходило при дворе австрийского императора.

Впрочем, Орленеву не раз приходилось во время своих гастролей попадать в неблагоприятные условия, и тогда спасало дело его увлеченность, энтузиазм, необыкновенный актерский дар, заставлявший зрителей забывать не только о жалкой обстановке, но и о невысоком росте артиста, о его глуховатом голосе, — прекрасное лицо, отточенные движения актера, страстность и обаяние, которым не мог противостоять никто, завораживали зрителей, впечатление сохранялось в их памяти на долгие годы.

Мы не знаем многих обстоятельств, связанных с поездками Орленева по Сибири, — сам он очень кратко говорит о них в своих мемуарах, и здесь предстоит дальнейшее разыскание. Но уже сейчас можно сказать: если Орленев шел на многие издержки и неудобства, связанные с гастролями, особенно в Сибири, то не только потому, что его побуждал к перемене мест беспокойный характер — гастроль приближала его к самому широкому зрителю России и давала ему хотя бы частичное воплощение его многолетней мечты о народном театре. Не случайно после первой поездки в Сибирь и на Дальний Восток он писал: «Поездка была продолжительная, а материальные дела блестящи. Первый раз в жизни у меня скопилось более 30 тысяч рублей. Сейчас же я решил приступить к бесплатным крестьянским спектаклям».

Но настоящая возможность для создания народного театра была предоставлена Орленеву только после Октябрьской революции, которую он встретил с радостью. Замечательный художник в числе первых был удостоен звания Народного артиста. К несчастью, силы его были уже подорваны, и дело его жизни должны были продолжить другие.

Юрий ПОСТНОВ.

«Известия Новониколаевска»
г. Новосибирск

№ 4 АВГ 1972